

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 1 (41). 2008

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ

М. М. Фокин

К истории набережных Мойки

3

МУЗЕИ ПЕТЕРБУРГ

К. Д. Смирнов

Ледокол «Красин»

(к 90-летию истории ледокола-музея)

9

С. А. Ходаковская

Истории застывшие мгновения

15

С. Н. Полторац

Как я не познакомился

с Борисом Борисовичем Пиотровским

23

ПРИГОРОДЫ

Е. Л. Александрова, В. М. Федоров

Дачи стиля модерн в Сестрорецке

и его окрестностях

25

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

Л. И. Бройтман

Год жизни отставного адмирала

А. А. Будко, Н. Г. Чигарева, Л. Д. Иванова

Вклад С. П. Боткина в продвижение

отечественных медиков

и становление русской медицины

В. А. Бачинин

Петербургский аристократ,

полковник-кавалергард Василий Пашков –

проповедник Евангелия

44

Н. А. Нарышкина-Прокудина-Горская

Бегущая по волнам

49

О. Н. Ерошкина

Художник и время

К 125-летию со дня рождения П. Н. Филонова

52

Т. К. Сотникова

К. Д. Лаушкин. Веселый человек

и веселый ученый, или

Опыт расшифровки одного имени

57

ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. И. Кунките

По адресам польской консульской миссии в

Ленинграде–Петербурге

66

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

Ю. В. Мудров, А. Ю. Мудров

Великий гражданин великого города

К 90-летию М. К. Аникушина

(заметки к творческому портрету скульптора)

70

А. Е. Ухналев

Мраморный дворец в 1917 году

79

А. А. Морозова

Дом Лопатина в Петербурге и здание Дворянского

собранин в Курске – «близнецы и братья»?

82

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

В. М. Ушакова

История нотной библиотеки певицы

А. В. Панаевой-Карцовой (по страницам

малоизвестного архива в фондах Государственного

музея политической истории России)

83

МУЗЫКАЛЬНЫЕ МАРШРУТЫ

Л. Л. Ковалева-Огороднова

Сергей Рахманинов.

Последние адреса на родине

(к 135-летию со дня рождения

великого русского композитора)

85

РЕЦЕНЗИИ КНИГ О ПЕТЕРБУРГЕ

В. С. Измозик

Улица глазами исследователей и ее жителей

95

ЗАСЕДАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

О. И. Молкина

В мемориальном музее «Разночинный Петербург»

98

Сведения об авторах

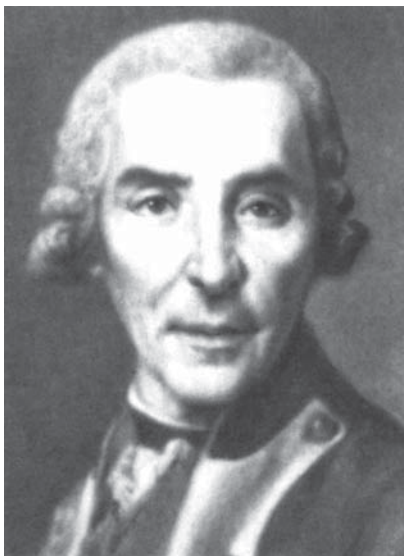
100

Год жизни отставного адмирала

Л. И. Бройтман

1 января 1857 года, как и много лет подряд, Павел Андреевич Колзаков среди прочих трат пометил: «40 копеек за новую книжку» – тетрадь для учета своего домашнего бюджета. Эти «приходо-расходные тетради» служили ему также дневником, куда заносились краткие записи о событиях жизни семейной и светской, поскольку автор дневника бывал во многих известных петербургских домах и по своему положению обязан был являться ко двору, о встречах с родными и друзьями, о различных происшестввах в городе. Эти памятные книги, исписанные мелким почерком, напоминающим скоропись XVIII века, могут многое рассказать о столичной жизни известного, хоть и не очень знатного дворянского семейства и, прежде всего, о самом авторе этих заметок. Основой для этой статьи послужит книга его записей за 1857 год.

Павел Андреевич Колзаков родился в Туле 18 июля 1779 года. Он происходил из небогатого служилого дворянства. Дед его Петр Максимович был в 1775 году лишь поручиком. Бабушка Ефимия Семеновна была дочерью майора Семена Никитича Леонова, служившего при рязанском губернаторе. Их сын Андрей Петрович, отец нашего героя, был женат на тетке известного московского хирурга профессора Федора Ивановича Иноземцева – Марии Ильиничне Иноземцевой. У Андрея Петровича и Марии Ильиничны было три сына – Павел, Андрей и Яков. В 1790 году Павел Колзаков поступил в Морской кадетский корпус. Директором корпуса был в те годы адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Но ему было уже около 70 лет, и к тому же он занимал пост президента Адмиралтейств-коллегии, так что всеми делами корпуса руководил его сын, контр-адмирал Логин Иванович, с которым Колзаков впоследствии поддерживал дружеские отношения. В 1794 году Колзаков был выпущен из корпуса гардемаринном, а через

Иван Логинович
Голенищев-Кутузов

год стал мичманом. Первые два года он служил в Кронштадте на судах, ходивших по Финскому заливу, но в 1797 году был направлен в Архангельск на строящийся там корабль «Азия». На нем с эскадрой вице-адмирала Тета он побывал в Англии. В 1798–1801 годах находился в составе экспедиции, действовавшей против французского флота на Средиземном море под командованием адмирала Федора Федоровича Ушакова. Он участвовал в блокаде Мальты, в освобождении Неаполя от французов. Во время

финской кампании 1808–1809 годов он уже командовал отдельным отрядом канонерских лодок. Перетаскивая их по суше с моря на Сайменское озеро, он успешно действовал против вдвое более сильного противника. В дальнейшем ему не пришлось участвовать ни в крупных морских сражениях, ни в дальних плаваниях, но карьера его развивалась вполне благополучно. В 1810 году Павел Андреевич стал ротным командиром Гвардейского экипажа и вскоре был переведен на императорскую яхту. С 1833 года – он дежурный адмирал Главного морского штаба. Благодаря этому его фамилия увековечена на морской карте страны. Во время плавания по северным морям в 1834–1835 годах капитан П. К. Пахтусов назвал именем Колзакова мыс в Карском море, где сам адмирал не бывал ни разу.

В 1843 году Павел Андреевич был произведен в адмиралы. Однако через десять лет с ним случилась большая неприятность. Будучи членом Александровского комитета о раненых, он допустил «бездействие власти», что привело к растрате денежных средств чиновником Политковским. За это Колзаков был предан суду, лишен своего звания и уволен со службы. Но вступивший вскоре на престол император Александр II простил его и пожаловал в генерал-адъютанты.

Кронштадт. Санкт-Петербургские ворота. Акварель Л. Премацци. 1851 г.

1 января 1857 года, несмотря на восемнадцатиградусный мороз, Павел Андреевич оделся в военную форму с лентой и отправился в Зимний дворец, оставив по дороге визитные карточки с новогодними поздравлениями у принца Ольденбургского, у великого князя Николая Николаевича, у цесаревича Николая Александровича. В 11 часов 15 минут Александр II с императрицей и младшими детьми в сопровождении свиты присутствовал на обедне в дворцовой церкви.

Через 5 дней, в воскресенье 6 января, Павел Андреевич снова в полной форме отправился во дворец на праздник Иордани. В коридорах дворца были выстроены взводы со знаменами разных полков, в залах были кадеты. Служба началась в церкви, затем император с семейством, свитой и священнослужителями вышел к Неве, где уже была сделана прорубь. Погода была ясная, шел тихий снежок.

После освящения Иордани вернулись во дворец, знамена разнесли по полкам. Для посланников и свиты был устроен завтрак, но не во дворце, а в кондитерской Зилотти, куда Павел Андреевич заглянул и, подкрепившись котлеткой, отправился домой.

Еще раз уже в конце месяца, 24 января, Колзаков побывал во дворце на экстренном собрании Георгиевской думы, на этот раз в форме Гвардейского экипажа с эполетами и саблей. Но пробыл он там недолго. Мысли его были заняты другим в тот памятный для него день.

Сорок лет тому назад, 24 января 1817 года, в Варшаве Павел Андреевич женился. Его жена Анна-Жозефина-Елизавета, родившаяся во Франции, была внучкой богатого дворянина, который выдал свою дочь Пьеретту за соседа по имени и вскоре умер. В 1793 году, в дни революционного террора, муж Пьеретты Буде де Террей был, как многие дворяне, казнен, и она с маленькой дочкой бежала в Германию, где какое-то время служила гувернанткой. Затем она вернулась в Париж и открыла модную лавку. Но дела шли не особенно успешно, и она решила отправиться в Петербург. На Невском проспекте она встретила молодую француженку Жозефину, которая 14-летней девочкой работала в ее парижской лавке. К тому

времени Жозефина пережила немало событий. Из Парижа ее увез богатый англичанин, собиравшийся дать ей образование и жениться на ней, но он скоропостижно умер. Вскоре Жозефина вышла замуж за человека, выдававшего себя за барона Фридерихса, состоявшего на русской дипломатической службе. Через некоторое время он уехал в Петербург. Не получая от него никаких известий, Жозефина бросилась искать его в Россию, где узнала, что он не барон, не дипломат, а всего-навсего курьер, и она ему совершенно не нужна. Жозефина стала добиваться развода. Она была без всяких средств, и положение ее было отчаянным, тем более что у нее родился сын. И тут она познакомилась с богатым негодником французом Романом Миттоном, который взял ее под свое покровительство. Получив развод, она вышла в Варшаве замуж за полковника Вейса, но вскоре заболела и умерла. Через Жозефину Миттон познакомился с Пьереттой и ее дочерью Анной и оказывал им поддержку. Колзаков впоследствии сохранял дружеские отношения с сыновьями Миттона.

От брака с Анной Петровной, как стали звать жену Павла Андреевича, родились сыновья Константин и Михаил. С Константином Колзаков жил вместе в Петербурге. Они ежегодно отмечали день именин Анны Петровны, в день ее смерти 14 августа (она умерла в 1832 году) посещали ее могилу на Смоленском кладбище и заказывали поминальную панихиду.

Но в те январские дни 1857 года Павел Андреевич с сыном переживали и большую радость. Константин был женат на дочери покойного к тому времени инспектора всей артиллерии генерала Якова Яковлевича Гилленшмидта Марье Яковлевне. 18 января она родила сына, которого назвали в честь деда Яковом. Позвали из Пантелеймоновской церкви отца Алексея, который прочитал молитву, после тихо пообедали и сидели, разговаривая, очевидно, об этом радостном событии. Обедать в узком семейном кругу Павлу Андреевичу приходилось редко, в доме постоянно бывали родные и знакомые. Круг его знакомых был чрезвычайно широк. Это, прежде всего, моряки. В записях упоминаются адмиралы Николай Петрович Епанчин, на-

чальник Кронштадтского порта, Михаил Николаевич Станюкович, член Адмиралтейств-совета, отец тогда молодого лейтенанта, в будущем известного писателя Константина Станюковича, барон Фердинанд Петрович Врангель – исследователь северных берегов Сибири, почетный член Российской и Парижской академий наук. Был знаком Колзаков с адмиралом Михаилом Николаевичем Лермонтовым, участником войны 1812 года. Это дальний родственник М. Ю. Лермонтова, но знакомы они не были: поэт не общался с родными по отцовской линии. Михаил Николаевич и сам «рифмовал», так что иногда стихи одного приписывали другому.

В библиотеке Колзакова хранился подаренный Юрием Федоровичем Лисянским собственноручный труд с описанием кругосветного плавания. Среди знакомых Колзакова Александр Максимович Княжевич, министр финансов, член Государственного совета, издававший вместе с братьями «Библиотеку для чтения». Бывал Павел Андреевич у Набоковых, очевидно, у родных умершего в 1852 году коменданта Петропавловской крепости, женатого на сестре декабриста И. И. Пущина Екатерине Ивановне. Дружен он был и с семьей Языковых. На Александре Александровне Языковой был женат его брат Андрей Андреевич. В 1857 году братьев Колзакова уже не было в живых, но Павел Андреевич поддерживал тесные отношения с их семьями. Его любимая племянница – дочь Андрея Андреевича и Александры Александровны. В 1833 году Дунечку привезли из Тулы в Петербург и определили в Екатерининский институт благородных девиц, где Павел Андреевич ее навещал. Теперь она была замужем за Михаилом Александровичем Ростовским, действительным статским советником, служившим в министерстве внутренних дел. Они жили в центре Петербурга – по старой нумерации Московская часть, Литейный проспект, 64, дом Андреевского, ныне Владимирский проспект, 5. Ростовские постоянно были у Павла Андреевича. Им первым он сообщил о рождении внука, потом прогулялся от их дома пешком по Невскому проспекту к Чаплиным, чтобы купить чаю, а вечером Ростовские пришли пить чай к дядюшке. Бывали и другие

Юрий Федорович Лисянский

родственники. Одного из них Павел Андреевич звал запросто Митрошей, не называя фамилии, поэтому не удалось установить степень их родства. В Кронштадте служил один из племянников – Ося Колзаков. Павел Андреевич хлопотал, чтобы его назначили на один из клиперов, шедших на Черное море. А брат Марья Яковлевны, офицер Конной гвардии Николай Яковлевич Гилленшмидт, до переезда на полковую квартиру жил в доме Колзаковых. И, конечно, родственники и друзья часто обедали в том доме.

В воскресенье 20 января к обеду неожиданно приехал вице-адмирал П. Ф. Анжу и с ним вернувшийся из Сибири декабрист Владимир Иванович Штейнгель. Его сын Вячеслав был женат на дочери Анжу и, приехав в Петербург, Штейнгель остановился доме своего свата. Колзаков называл Штейнгеля старым знакомым своим и своей второй жены Анны Ивановны.

Через 12 лет после смерти Анны Петровны Павел Андреевич женился на Анне Ивановне Бегичевой. Мать Анны Ивановны, Екатерина Ивановна, урожденная Вындомская, была двоюродной сестрой Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф. У Екатерины Ивановны было три дочери – Екатерина, Анна (жена Колзакова) и Павла, которая была замужем за Я. А. Дашковым. Их сын П. Я. Дашков – известный коллекционер. Женильба на Анне Ивановне ввела Колзакова в круг ближайших соседей и друзей А. С. Пушкина по Михайловскому.

Не случайно в записях Павла Андреевича упоминалась баронесса Вревская – Евпраксия Николаевна, дочь Прасковьи Александровны («Зизи, Зизи, кристалл души моей», как написал о ней Пушкин), которая жила в Петербурге. А когда 2 февраля в столицу из деревни приехали Алексей Николаевич и Анна Николаевна Вульф, то Алексей Николаевич остановился в гостинице, а Анна Николаевна не у своей сестры, а в доме Колзаковых.

Дом тот был расположен, хоть и не в самой аристократической части Петербурга, но в районе, населенном людьми, имевшими положение в обществе, – военными, чиновниками не последних классов, богатыми купцами, известными литераторами. Это дом на углу Литейного проспекта (№ 23) и улицы Пестеля, бывшей Пантелеймоновской (№ 25).

В 1770-х годах на месте современных домов 23 и 25 по Литейному проспекту и 23 и 25 по улице Пестеля находился двор протоиерея церкви Андрея Первозванного Василия Самойлова. В 1778 году тот двор купил комиссар конюшенного ведомства Савелий Александрович Александров и через год продал сыну Василия Самойлова канцеляристу Вотчинной конторы Дмитрию Васильевичу, у которого двор «с каменным и деревянным строением» купила жена полковника Семена Гавриловича Окунева Анна Дмитриевна. В купчей указаны размеры участка – по Литейной улице 16 сажен 1 $\frac{1}{2}$ аршина, по бокам 35 и 33 сажени. В 1787 году А. Д. Окунева заложила свое владение с каменным домом за 7500 рублей. Выкупить она его не смогла, и в 1798 году ее двор по просроченному платежу поступил в продажу. Купил его представитель одной из ветвей многочисленного рода Пушкиных – Никита Изотович Пушкин, служивший тогда в конторе строения домов и садов. На купленном участке он возвел новое каменное строение и, закладывая свой двор в 1801 году, Н. И. Пушкин указал, что владеет двумя каменными домами. Затем тот обширный участок был разделен. Первоначально была отделена часть по Пантелеймоновской улице, получившая по табелю 1822 года номер 140, ныне дом 23 по улице Пестеля. Оставшийся участок, разделенный на два под номерами 141 и 142, перешел к разным владельцам. Дом по

старой поквартальной нумерации № 137–132–141, ныне – дом 23 по Литейному проспекту и 25 по улице Пестеля, много раз переходил из рук в руки. В 1810-х годах он принадлежал капитану II ранга Шулепникову, в 1821 году его купила жена гвардии поручика Елизавета Сергеевна Тютчева. Следующий владелец – фигура известная – Петр Андреевич Клейнмихель. Его имя всегда связывается с именем Аракчеева и его деятельностью. С 1835 года Клейнмихель – главноуправляющий военными поселениями и департаментом путей сообщения и публичных зданий. В корпусе путей сообщения на Фонтанке у Обухова моста он получил казенную квартиру, и Колзаков его нередко там навещал.

В 1831 году архитектор Троепольский переделал лицевые фасады. Главный был обращен на Литейный проспект, по Пантелеймоновской улице участок был застроен еще не полностью. Таким дом перешел к жене действительного статского советника Наталье Васильевне Муравьевой. По табелю городских имуществ 1846 года на участке Муравьевой находились «каменный дом в 2 этажа с подвалом и мезонином, 2 каменных 2-этажных флигеля и каменные службы». По наследству от Муравьевой получили этот дом ее племянники герой войны 1812 года Матвей Евграфович Храповицкий и его брат гвардии штабс-капитан Василий Евграфович Храповицкий, который продал дом князю Михаилу Викторовичу Кочубею. С 1849 года это владение Колзаковых, и в том же году лицевые фасады были заново отделаны. Эти работы проводил академик архитектуры Лев Францевич Вендрамини.

Современный вид здание получило при следующей владелице – Наталье Владимировне Оболенской-Нелединской-Мелецкой в 1872 году. Тогда был надстроен 3-й этаж, и по Пантелеймоновской улице была сделана 3-этажная пристройка, так что участок был застроен во всю ширину, оставлен только проезд во двор. Фасады были перештукатурены и приобрели сохранившийся поныне облик, характерный для петербургской эклектики 2-й половины XIX века, с рустовкой, разнообразными сандриками, детскими фигурками в центре фасада.

Перестройка велась по проекту академика архитектуры Василия Александровича Кенеля, известного прежде всего как автор здания цирка Чинизелли, первого стационарного цирка в Европе. В 1869 году он переделал фасад соседнего дома на Литейном проспекте (№ 25), а 1875 году перестроил еще один дом – Н. В. Оболенской на Сергиевской улице (улица Чайковского, 20). Дочь Натальи Владимировны, Вера Сергеевна, была женой графа А. В. Голенищева-Кутузова, ее наследники были последними владельцами этого дома до 1917 года.

После женитьбы на Анне Ивановне Бегичевой Павел Иванович поселился в доме на Литейном проспекте. На втором этаже, где с 1950-х годов размещалась зубоорудная поликлиника, находились столовая, кабинет Павла Андреевича, спальни его и Анны Ивановны. На первом этаже, занятом ныне торговыми учреждениями (витринных окон тогда, конечно, не было), жил с семьей сын Колзакова Константин Павлович. Новорожденный Яков был у него уже четвертым ребенком. Старшей Ане – 5 лет, Маше – 4, Павлуше – 2 года. Были, разумеется, комнаты, где останавливались гости.

Помимо самих Колзаковых в доме были жильцы. Снимали квартиры графиня Тизенгаузен (вскоре она вышла замуж за сына полководца войны 1812 года Эрнеста Магнуса Августа, или Максима Михайловича Барклая-де-Толли), молодой чиновник Скрыдлов. На одном из надворных флигелей был устроен фотопавильон. Все это давало небольшой, но необходимый дополнительный доход, ибо Колзаковы были небогаты.

Сам Павел Андреевич после смерти первой жены, составляя завещание, писал: «...в продолжении моей 35-летней безпорочной службы в офицерском звании я весьма не много приобрел, сам будучи беден». Все его имущество составляли тогда 16 500 рублей в банковских билетах да ежегодная аренда приносила 2766 рублей в год. Каждую треть года он получал причитающееся ему как генерал-адъютанту жалование со столовыми и квартирными надбавками – 1840 рублей 84 копейки серебром.

Анна Ивановна была более состоятельна. Именно она числилась владелицей дома. У нее имелось на-

следственное имение Рудневка, куда можно было ездить на отдых летом и откуда регулярно староста или конторщик привозили оброк деньгами и продуктами. Павел Андреевич аккуратно помечал день, когда готовился обед с учетом гостей, что солонина или другие припасы «свои». Из Рудневки привозили кур, индеек, телятину, барашков и многое другое – то кадочку сливочного масла в 37 фунтов, то шампиньонов, летом вишню для варенья. Все это требовало условий для хранения, и 22 февраля Павел Андреевич пометил, что начали набивать погреб льдом, пока лед еще крепок, чтобы сохранился подольше.

Кадочку с маслом прислали 31 января, чтобы был запас на масленицу, а масленица началась 11 февраля. Утром Павел Андреевич записал: «погода снежная, 2 градуса мороза». Он с утра отправился в Александринский театр и взял билеты на утренний спектакль себе и сыну. Давали 4 небольшие пьесы. На следующий день они смотрели балет в Большом театре. Себе обычно Павел Андреевич брал билет в 1-м ряду партера, где сидели генералы и важные сановники, Константину во 2-м ряду. Видимо, Колзаков – постоянный посетитель театра и актеры его знали. Так, в свой бенефис балерина Надежда Константиновна Богданова прислала ему письмо с билетом в 1-й ряд. Разумеется, за этот билет, обычно стоивший 2 с полтиной или 3 рубля, Колзаков послал пятнадцать. Бенефис прошел очень хорошо. Как писал Павел Андреевич, «театр был полон. Государь был, несколько раз вызывали, бросали букеты, подарили браслет. Два ее брата дебютировали, один танцор, а другой скрипач, и оба прекрасны и она очень мила была».

Отправляясь за билетами в театр, по дороге Павел Андреевич заехал к Елисееву в его лавку на Бирже купить икры к блинам. Он сам любил делать покупки и так же аккуратно записывал расходы в свою тетрадь. За чаем он всегда ездил к Чаплиным. Там же покупал сахар «рефинированный» в головках и мелкий, кофе «Мока». У Елисеева чаще всего приобреталась икра, иногда апельсины, виноград, спаржа, вино, липецкий мед, медок в бутылках и портер в кувшине. Из молочных продуктов упоминались только

сливки. Изредка, помимо домашних запасов, покупалась говядина. Чтобы приготовить желе на сладкое в лавочке у Тихонова брал сироп, клей (желатин), миндаль, лимоны. По особым случаям покупался торт, пирожные или бисквит. Обычные ежедневные траты на булки и хлеб – 35–40 копеек, на обед – 5–6 рублей, если не ожидался гости. В общем, в месяц набиралось от 500 до 700 рублей.

Записаны в тетради были и особые траты. Так, 2 марта было дано 6 рублей священнику Пантелеймоновского собора и 1 рубль 50 копеек дьячку. В тот день крестили Якова. Крестными родителями были сам Павел Андреевич и близкая знакомая Елена Федоровна Укова. Происходило это дома наверху, где состоялся завтрак, потом пошли вниз и там пили шампанское за здоровье родителей и новорожденного.

Несмотря на то, что наступил Великий пост, жизнь Павла Андреевича в марте была достаточно оживленной. 6 марта он ездил поздравлять с днем рождения гофмейстера Павла Дмитриевича Дурново на Английскую набережную, от него заехал к Александру Сергеевичу Меншикову, морскому министру.

На следующий день в Инженерном манеже был смотр 1-й Гвардейской дивизии, на который приезжал император. В воскресенье, 10 марта, Колзаков ездил на развод в Инженерный замок, где также присутствовал Александр II. 13 марта возил в церковь Марью Яковлевну с Яшей и кормилицей, служили благодарственный молебен. Каждый день к обеду кто-нибудь приходил и, вероятно, Павел Андреевич слегка утомился, так что 16 марта даже не поехал в Английский клуб, членом которого он состоял уже много лет, хотя там проходил парадный обед по случаю дня основания клуба, на котором присутствовало много иностранных гостей.

Особо отмечал Павел Андреевич 19 марта – 43-ю годовщину вступления русских войск в Париж по окончании заграничного похода в 1814 году. Ему было что вспомнить. В 1812 году он участвовал в Бородинской битве, за сражение при Бауцене* был награжден орденом

* 20–21 мая 1813 г. – *Ред.*

Св. Анны 2 степени, а за Кульм* получил в награду крест и золотое оружие. Он особенно гордился одним из событий, которое тогда произошло. Шел ожесточенный бой. В том бою потерял руку граф А. И. Остерман-Толстой. Когда победа склонилась на сторону россиян и французы дрогнули, наполеоновский маршал Вандам с небольшой свитой был окружен русскими. Желая сохранить себе жизнь, он решил сдаться. Увидев офицера в непривычной для него нарядной форме, он подскакал к нему и хотел вручить свою шпагу. Это был Колзаков в морском мундире, которого Вандам принял за важного военачальника. Но принимать шпагу от маршала было Колзакову не по чину и он проводил Вандама к великому князю Константину Павловичу, а потом по его приказу к самому императору Александру, который и принял шпагу у Вандама. Затем была «битва народов» при Лейпциге**, за которую Колзаков получил орден Св. Владимира 4-й степени, и Фершампенуаз, после чего он стал Георгиевским кавалером. Позднее Павел Андреевич получил и орден Андрея Первозванного с бриллиантами. Правда, на каждый день он заказал ленту с фальшивыми камнями и время от времени подновлял ее в «Ниренбергских лавках» у Думы. Была у него еще одна памятка о событиях Отечественной войны. Он привез из Парижа фарфоровую чашку с портретом атамана Платова и ежегодно 19 марта ему подавали чай в этой чашке, а потом бережно прятали до следующего года.

19 марта был также семейный праздник – день рождения Марьи Яковлевны, ей исполнилось 25 лет. Павел Андреевич, принося поздравления, подарил ей привезенный из Берлина шитый батистовый платок. За обедом были гости, пили за здоровье новорожденной, угощали мороженым и конфетами, а потом устроили «живые картины», в которых участвовали и взрослые, и дети – маленькие Аня и Маша. Больше всех хлопотала об их устройстве сама Марья Яковлевна. Костя помогал делать декорации, и, как писал Павел Андреевич, «все удалось и хорошо было».

* 29–30 августа 1813 г. – *Ред.*

** 16–19 октября 1813 г. – *Ред.*

25 марта, в день Благовещения, все семейство отправилось на полковой праздник Конной гвардии. Анна Ивановна с Анной Николаевной Вульф и Костя с Марьей Яковлевной поехали в церковь Конногвардейского полка, потом они зашли на квартиру брата Марьи Яковлевны, а оттуда прибыли в Конногвардейский манеж, где уже был Павел Андреевич. В час дня приехал император, начался молебен, затем церемониальный марш, после чего в Зимнем дворце состоялся обед. Приглашенных было 240 человек, дамы не присутствовали. Погода в тот день стояла ясная, солнечная, лед на Неве тронулся.

2 апреля в 7 часов пополудни на набережной Невы у Зимнего дворца собрались желающие посмотреть ежегодную церемонию открытия Невы. Из Зимнего дворца был дан сигнал, после чего из Адмиралтейства на середину Невы на катере вышел начальник Адмиралтейской верфи – «директор кораблестроения». С катера дали 7 выстрелов, на что Петропавловская крепость ответила пятью залпами. Из нее также на катере вышли комендант Петропавловской крепости генерал Мандерштерн и начальник охтенской верфи. Они зачерпнули воды в середине Невы и направились ко дворцу. Комендант отпартовал императору, подал ему воду и отплыл обратно. С того момента перевоз по Неве был открыт.

7 апреля была Пасха. Павел Андреевич отметил: «Утром погода была сносная, но после стало холодно и снег шел по времени». В честь праздника он в полной форме отправился с визитами к принцу Ольденбургскому, великой княгине Екатерине Михайловне, на развод во дворец, затем в Сергиевский собор и вернулся домой к обеду. Были гости, пили шампанское, к обеду было заказано 20 порций мороженого.

Следующие дни святой недели стояли ясные, но холодные. 10 апреля градусник показал 10 градусов мороза, по Неве шел лед. Дни Колзакова были заполнены визитами и домашними хлопотами. К середине месяца стало теплее, и 21 апреля развод происходил не во дворце, а на Дворцовой площади. Александр II остался доволен, а после обеда вся царская фамилия с придворными переехала в Царское Село.

23 апреля памятный день для Колзакова – в 1795 году он получил первый офицерский чин, в 1857 году ему исполнилось уже 62 года.

В тот день отмечались также именины Саши. Ее имя Павел Андреевич упоминает в своем дневнике почти каждый день. Это его крестница или воспитанница. Хотя у нее были родные, она навещала часто бабушку на Васильевском острове, но жила в доме Колзакова, и он очень о ней заботился. 4 апреля Саше исполнилось 18 лет, и Павел Андреевич подарил ей берлинские серьги, бирюзовую брошку и золотую цепочку. Он считал необходимым устроить ее будущее. Ей подыскивали жениха, но она «не соглашается так скоро вытти, хочет узнать подробнее о нем». Павел Андреевич был очень огорчен, что ничего не получилось, но вскоре был найден другой кандидат – молодой медик Федор Александрович Добровольский. Он почти каждый день бывал у Колзаковых, и наконец дело было решено – Саша дала согласие. Начались хлопоты о приданом, было заказано венчальное платье. Павел Андреевич подарил ей к именинам золотые серьги, заграничный шарф и кашемировую мантилью, а жениху перед свадьбой купил часы. 24 апреля состоялась свадьба. Утром пришли парикмахер и две девушки-подружки убирать и одевать невесту к венцу. Павел Андреевич и Марья Яковлевна благословили Сашу. Прибыл шафер от жениха сопровождать ее, и все отправились в церковь при убежище слепых – поблизости, там же на Литейном, через три дома от Колзаковых. Молодых обвенчал дед жениха протоиерей с Волкова кладбища. После венчания молодые заехали к Колзаковым, где их благословили образом и хлебом с солью, и они отправились на квартиру, которую для них сняли и куда прямо из церкви уже прибыли гости. Собралось около 60 человек, как полагается, ужинали, пили шампанское, потом были танцы. Заклучая «отчет» о свадьбе Саши, Павел Андреевич искренне желал: «Дай, Боже, им всяческого щастия и благополучия», но со свойственной ему скрупулезностью тут же приписывал: «Саша с нынешнего года и свадьба ее мне стоит – 2330 рублей 93 копейки, да билет дан в 2 тыс. рублей, да прежде положено на ее имя 6 тыс. руб. ассигнациями».

Май начался праздником Преполовения. Навели было Арсенальный мост (вероятно, Павел Андреевич имеет в виду наплавной мост от Литейного проспекта к Арсенальной набережной, навешенный в 1849 году после сноса Литейного двора), но из-за ледохода пришлось его развести. В тот день людей в крепость, где происходило гулянье, перевозили на яликах. 4 мая в час дня на Марсовом поле состоялся традиционный майский парад. Погода держалась неустойчивая: 16 мая, например, шел снег с градом, а потом дождь.

Накануне Анна Ивановна уехала в Рудневку, и 19 мая без нее Павел Андреевич отмечал 13-ю годовщину их свадьбы. Анна Ивановна родилась в 1807 году, в 1844 году, по понятиям того времени – совсем не молоденькой она вышла замуж за Павла Андреевича, бывшего на 28 лет старше. У них сохранялись уважительные отношения, но у каждого была своя жизнь. Обычно днем Анна Ивановна отправлялась с визитами одна, также и вечером они чаще всего бывали в разных местах. Возвратившись домой, Павел Андреевич заходил к ней в комнату пожелать ей доброй ночи и уходил к себе. В театр он ездил с сыном, гулял один или с Сашей. Ежедневными покупками распорядился Павел Андреевич, но прочное положение дома, скорее всего, зависело от Анны Ивановны и ее имения. Из Рудневки привозили продукты, туда же ездили на отдых. И внуки Павла Андреевича позже ездили в Рудневку и встречались там с жившими по соседству потомками Пушкина.

Прислуга в дома тоже большей частью была родом из Рудневки. А служителей, как подсчитал сам Павел Андреевич, было 28 человек. Это – камердинер Николай, повар Вася, фельдшер Николаша, два кучера – Яков и Василий, дворник Федор. Больше половины служителей женщины и девушки – горничные, няни – Анна Саввишна, Груша, Любовь, Аннушка. Нужно, чтобы все соответствовало столичному уровню, поэтому повара Васю Павел Андреевич определил к кухмистеру в Английский клуб, отдав в оплату вперед за 6 месяцев 50 рублей, а его брата Гришу отдал в ученики к булочнику Веберу. А до поры на кухне управлялись повариха Дарья

и поваренок Павлуша. Работала и наемная прислуга: швейцары Михаил Толчин, затем Александр Сукин. Когда родился внук Яша, Павел Андреевич поехал в заведение, где ему рекомендовали кормилицу Марью. Всем им на Новый год, на Пасху и в других случаях делали подарки. Мужчинам деньги – 1–3 рубля, женщинам – платья, платки. Когда один из слуг, Григорий, заболел, его регулярно возили к доктору Ковалевскому, который его начал, как писал Павел Андреевич, «электризовать».

Интересно, что из крепостных Анны Ивановны происходил художник Аким Арефьевич Багаев. Достоверно известны 4 подписанные им портрета, на которых изображены: полковник Генерального штаба Алексей Павлович Болотов, внук замечательного ученого, первого русского агронома, паркостроителя, писателя А. Т. Болотова, уже упоминавшиеся Евпраксия Николаевна Вревская и Алексей Николаевич Вульф. Четвертый, долгое время считавшийся изображением Анны Петровны Керн, по определению В. П. Старка – портрет самой хозяйки крепостного художника – Анны Ивановны Бегичевой. Она в черном платье и черном чепчике, как считает исследователь – в трауре по умершей матери. На черном фоне выделяется золотая цепочка. По этому портрету трудно судить о ее характере, но о том, что она по взглядам принадлежала к своему кругу и времени, свидетельствует то, что автор портретов, в которых чувствуется рука незаурядного мастера, долгие годы оставался крепостным и получил свободу лишь благодаря вмешательству архитектора А. И. Штакеншнейдера. Приняв участие в судьбе А. А. Багаева, он стал инициатором сбора денег по подписке для освобождения художника. Собранные 150 рублей он вручил Анне Ивановне, о чем в своей тетради 30 августа 1850 года сделал запись Павел Андреевич, после чего она подписала отпускную «Акиму Арефьеву Багаеву». Багаев хотел получить звание свободного художника. По каким-то причинам это не удалось, и о дальнейшей его судьбе почти ничего не известно.

После отъезда Анны Ивановны в Рудневку Павел Андреевич продолжал вести привычный образ

жизни с бесконечными разъездами и хлопотами. 25 мая он поехал на Смоленское кладбище поклониться могилам Анны Петровны и младшего сына Миши. Михаил родился 23 сентября 1823 года. С детства он часто болел, поэтому, хотя он, как и старший брат, рано был зачислен в Пажеский корпус, долго оставался дома. К нему ходили учителя, с 10 лет он начал брать уроки фортепиано у итальянца М. Козелли. Но все же пришлось отдать его в корпус. Тогда после смерти первой жены Павел Андреевич жил некоторое время в доме Котомина. Особого домашнего хозяйства у него не было и, если неожиданно приезжали гости, он с ними вместе спускался «в кафе ресторан Беранже». Сыновей отпускали к нему из корпуса, и он сам часто их навещал. Константин благополучно окончил корпус, а Миша, не дожив до 20 лет, умер 25 мая 1843 года. Похоронили его рядом с матерью. Вот туда, к их могилам, и ездил Павел Андреевич в годовщину Мишиной смерти.

27 мая в полной генеральской форме с бриллиантовой звездой и лентой в придворном экипаже Павел Андреевич прибыл в Царское Село на торжественный акт. Месяц назад – 29 апреля – императрица родила сына, в честь чего Петропавловская крепость дала 101 залп, а в тот день состоялись крестины. Наследник и великая княгиня Елизавета Михайловна крестили нового великого князя, названного Сергеем.

К концу месяца установилась теплая, даже жаркая погода, и 29 мая Павел Андреевич с Костей, Митрошей и Николаем Яковлевичем Гилленшмидтом поехали подышать свежим воздухом. Они доехали в пролетке до Кушелевой дачи и пошли пешком в Полуостров, там попробовали ключевой воды и возвратились домой.

А дома не все благополучно – заболели Марья Яковлевна и дети. Доктор объявил, что это корь. В первой половине июня им становилось то лучше, то хуже. Постепенно стали выздоравливать Марья Яковлевна, Маша, Аня и маленький Яша. А Павлуше было плохо. 12 июня привозили образ Всех Скорбящих, служили молебен, но 15 июня Павлуша умер. Похоронили его на Смоленском кладбище. Через три года у Марьи Яковлевны родился сын, которого тоже называли Павлушей.

За то время из официальных событий произошло одно. 11 июня Павел Андреевич прибыл на Английскую набережную, где уже собрались придворные. Из Петергофа приехали император с императрицей, с детьми и великими князьями. Затем на пароходе «Александр» их доставили в Кронштадт, где ждали два судна «Гремящий» и «Рюрик». На одном Александр II с супругой и великий князь Михаил Николаевич отправились за границу, на другом царских детей повезли в Гапсаль (Хаапсалу).

19 июня Павел Андреевич уехал в Рудневку. Накануне свои ценности – деньги, банковские билеты, Александровскую звезду и крест с бриллиантами, табакерки с бриллиантами и портретами императора и великой княгини Марии Павловны, сестры Александра I (ставшей герцогиней Саксен-Веймарской), – он отдал на хранение знакомому, Н. А. Серебрякову, у которого был дома большой железный сундук. Косте он оставил на стол и содержание людей 50 рублей и 25 рублей на лечение Григория.

Вернулся Колзаков из Рудневки 11 июля, через шесть дней приехала Анна Ивановна, так как 18 июля Павлу Андреевичу исполнилось 78 лет. После утреннего чая он поехал в Казанский собор и оставил записку «о вынугии просфоры за здравие», потом вернулся домой за Анной Ивановной, они вместе поехали в собор к обедне. Позже дома был обед с гостями и шампанским. На следующий день Колзаков получил из Капитула орден извещение, что он включен в комплект кавалеров по Георгиевскому кресту 4-й степени и будет получать дополнительно 150 рублей.

20 июля из-за границы вернулась императорская чета с великим князем Михаилом Николаевичем. Они сошли с парохода прямо в Петергофе. Через два дня по только что открывшейся железнодорожной линии Колзаков поехал в Петергоф. Там шел дождь, он с трудом нашел дрожки, весь промок, с трудом отыскал предназначенную для него квартиру и переоделся. На следующий день состоялась встреча невесты Михаила Николаевича принцессы Баденской. От пристани до дворца шпалерами были выстроены гвардейские части. Все генерал-адъютанты и

флигель-адъютанты были верхом. Павел Андреевич и министр двора граф Адлерберг ждали на пристани, которая была устлана цветами. Принцессу сопровождали ее брат и вдовствующая императрица (вдова Николая I Александра Федоровна), им подали коляску. Император и генералы верхом следовали за нею. Войска кричали «Ура!». Прибыли сначала в Большой дворец, затем в Александррию, где состоялся обед.

До середины августа Павел Андреевич был попеременно то в Петергофе, то дома. 10 августа состоялся большой парад в Красном Селе, на следующий день войска из летних лагерей вернулись в Петербург.

И в тот вечер Павел Андреевич с сыном, невесткой, ее родственницей и Митрошей в коляске поехали на «Виллу Бургезе» (возможно, виллу Роде), где гуляли, слушали музыку, цыган, смотрели красивую иллюминацию. В 10 часов решили возвращаться домой. Так как в коляске было тесно, Митроша сел с кучером на козлы. Ехали всю дорогу спокойно, но в середине Царицына луга в темноте столкнулись с другой коляской, которая ударила их дышлом. Лошади испугались, кучер упал с козел и расшиб голову, Митроша перелетел через него, но остался цел. Остальные пассажиры благополучно выскочили из коляски, но, конечно, перепугались. Лошадей выпрягли, кучера положили в коляску, которую взял на буксир оставленный извозчик. Лошадей под уздцы вел Костя, а Павел Андреевич с дамами пошел домой пешком. Доктор на следующий день велел

делать кучеру примочки из арники с водкой. В общем, все кончилось благополучно, и через два дня Павел Андреевич с Костей и Марьей Яковлевной поехали в Домик Петра и служили там молебен, благодаря за избавление от несчастья.

15 августа принцессу Баденскую привезли в Петербург. На Невском проспекте была устроена иллюминация. Павел Андреевич прокатился по проспекту, а его домашние смотрели приезд принцессы с балкона квартиры Ростовских. На следующий день в церкви Зимнего дворца ее обвенчали с Михаилом Николаевичем. Вечером был бал, на котором присутствовала вся царская семья, кроме вдовствующей императрицы. Начали по обычаю «польским», танцевали до половины десятого, затем молодых отвезли в дом Воронцовых-Дашковых на Дворцовой набережной Невы, который для Михаила Николаевича арендовала гофинтендантская контора. Недалеко от него для молодых позже построили дворец, названный Новомихайловским.

17 августа Костя с женой и дочерьми уехал за границу. Предварительно Павел Андреевич ездил к банкиру Штиглицу, чтобы узнать о курсе валют. Яшу с кормилицей оставили на попечение бабушки. Его перевезли на дачу в Царское Село, где и сам Павел Андреевич провел конец лета и начало осени.

Затем в тетради был пропуск до 16 октября. К тому времени Павел Андреевич, Анна Ивановна и Яша с кормилицей находились уже дома. Костя с семьей жил в

Дворец барона А. Л. Штиглица на Английской набережной.
Акварель Альберта Н. Бенуа. Конец XIX в.

Париже, откуда от него регулярно приходили письма, а 18 октября один знакомый привез от Кости два страбургских пирога, которые ели за обедом.

Пришло письмо от Кости и 21 октября. В тот день ему исполнилось 40 лет. Константин Колзаков родился в Варшаве и не случайно получил свое имя. С 1811 года Павел Андреевич был флигель-адъютантом великого князя Константина Павловича. При нем он состоял и во время войны 1812 года, и в заграничном походе, в его свите он прибыл в Варшаву 18 сентября 1814 года. Константин был посаженным отцом на свадьбе Колзакова и Анны Петровны, и венчали их в придворной церкви. Своего первенца они назвали в честь великого князя. Именно великий князь способствовал определению сыновей Павла Андреевича в Пажеский корпус. В свою очередь, когда Константин 12 мая 1820 года женился на Жанне Грудзинской, которой вскоре был присвоен титул княгини Лович, одним из свидетелей на их свадьбе был Колзаков. И спустя много лет, каждый раз, бывая в Петропавловском соборе, Павел Андреевич не забывает поклониться могиле Константина, а в католическом костеле на Невском заказывает службу в память княгини «Ловицкой».

Колзаков находился при Константине до самой его смерти в 1831 году, и за те годы он сталкивался с самыми разными людьми по разным поводам. Так, в 1826 году был задержан в Варшаве при возвращении из-за границы П. Я. Чаадаев. Как рапортовал Константин Павлович Николаю I, его допрашивали о связях с декабристами. Допрос состоялся 26 августа в присутствии капитан-командора Колзакова.

Там же, в Варшаве, Павел Андреевич встретился с Николаем Ивановичем Павлицевым, мужем Ольги Сергеевны Пушкиной, сестры поэта, служившим в канцелярии генерал-интенданта царства Польского. Во время польского восстания 1831 года, когда Константину и его окружению пришлось покинуть Варшаву, Колзаков был комендантом Главной квартиры действовавшей в Польше армии, и Ольга Сергеевна послала письма мужу из Петербурга на адрес Колзакова.

Конечно, еще по Варшаве знал Павел Андреевич побочного сына великого князя Павла Констан-

тиновича Александрова, который последние годы своей жизни провел в Петербурге в своем особняке на Исаакиевской площади. Павел Андреевич, безусловно, там бывал. 24 октября он записал в своей тетради: «Павел Константинович Александров вчера скончался в 5 часов вечера». Через два дня в присутствии Александра II его отпели в Конногвардейской церкви и похоронили в Сергиевой пустыни.

В тот день выпало много снега, установилась температура ниже нуля, на Неве появился лед. 7 ноября на Неве развели все мосты, 12 ноября начали ездить в санях, через три дня Нева встала – было 11,5 градуса мороза.

24 ноября императорская фамилия из Царского Села переехала в Зимний дворец, и через два дня, несмотря на пасмурную погоду и холод, Колзаков в генеральском мундире со звездой отправился во дворец на праздник Георгиевских кавалеров. В Георгиевском зале митрополит отслужил молебен, провозгласив присутствующим «многолетие и за упокой на брани убиенных». Государь обошел все ряды кавалеров, потом был обед для 550 человек. Когда кавалеры уже были все на местах у стола «государь изволил сесть за столом. 2 хора музыки были. Государь провозгласил за здоровье кавалеров». После обеда перешли в концертный зал, где члены царской семьи разговаривали с кавалерами. «Я, – писал Павел Андреевич, – удостоился, со мной почти все говорили».

В декабре была настоящая петербургская погода, то снег, то дождь и слякоть. 6 декабря был ясный день, и Павел Андреевич в полном параде поехал поздравлять именинников. Вместе с адмиралами Литке и Невельским побывал в Мраморном дворце, подаренном императором Николаем сыну великому князю Константину Николаевичу и по высочайшему указу от 20 декабря 1849 года получившему наименование «Константиновского». Вероятно, они поздравляли с именинами семилетнего сына Константина Николаевича – Николая. Затем Колзаков заехал к доктору Арендту, записался у наследника и побывал на обеде во дворце, приложился к ручкам императрицы, великой княгини Александры Осиповны, жены великого князя Кон-

стантина Николаевича, и вернулся домой к обеду.

Все чаще Павел Андреевич отмечал события, на которых он не присутствовал, – 8 декабря в Дворянском собрании давали бал для государя по случаю свадьбы Михаила Николаевича, 12-го был полковой праздник Волынского и Финляндского полков, 14-го – зимний парад. Не поехал он 11-го ко дворцу на панихиду по умершему генерал-адъютанту Василию Алексеевичу Перовскому, 19-го – на похороны директора Морского корпуса вице-адмирала Давыдова. Только 25 декабря, на Рождество, он поехал во дворец, где были выстроены войска. В церкви состоялась обедня, затем молебен с многолетием, палили из крепости, император обошел все полки, что были в зале.

Мало выезжал Павел Андреевич. Чаще всего по причине нездоровья – то у него простуда, то геморроидальные припадки, то болело под ложечкой, то что-то с глазами, побаливала рука. Постоянно лечившие вся семью доктором Кребель и Бляшке прописывали ему разные средства – он принимал порошки, какой-то белок, глаза промывал ляписом, руку мазал мазью. Но в свои годы он был еще необыкновенно бодр.

О его внешности в пожилом возрасте можно судить по рисунку, сохранившемуся в альбоме художника М. Я. Виллие. Рисунок относится к началу 1860-х годов. Изображен Павел Андреевич не в парадной форме, а в мундире со шнурами и барашковым воротником. У него крупная голова с шапкой еще густых волос и борода рыжеватого оттенка. Лицо с неправильными чертами много повидавшего, пожалуй, усталого и не очень здорового человека.

Каким же был автор этих записей – Павел Андреевич Колзаков?

Прежде всего, это человек военный, привыкший к точности и четкому распорядку. Когда бы он ни лег накануне, вставал он в 7,30–8 часов утра и проводил, за редким исключением, весь день в движении. Около 9 часов они с Анной Ивановной пили чай или кофе у себя наверху, после чего Павел Андреевич удалялся к себе в кабинет – делать записи в дневнике. Затем они принимали «кой-кого», но чаще Анна Ивановна сама отправляется с визитами, а Павел Андреевич

в мундире Гвардейского экипажа или генерал-адъютантской форме с регалиями ехал во дворец, на развод, на парад. Если важных дел не было, он занимался покупками или прогуливался. Любимая прогулка – доехать до Гостиного двора и дважды обойти по галерее вокруг, а потом пешком домой. Обед в 15–16 часов. Почти всегда к обеду приходил кто-то из близких. Довольно часто ездили обедать в гости, причем Анна Ивановна в один дом, а Павел Андреевич в другой или в Английский клуб. Если обедали дома, то после обеда сидели вместе, разговаривали до 6–7 часов. Потом Павел Андреевич один или с мужчинами у себя в кабинете курил сигары, после чего передевался и отправлялся в гости, в театр, на танцевальный вечер, в Английский клуб. И каждый вечер с редкими пропусками Павел Андреевич играл в карты. В клубе или в домах, где обычно велась игра, он играл в вист по 50 копеек или в пикет по полторы копейки, а дома в ералаш с гостями по 5 копеек, со своими – по копейке, или в помпадур по 1/2 копейки и акkuratно записывал выигрыш и проигрыш. Так, 23 марта он в Английском клубе проиграл 49 рублей, потом завернул к знакомому и проиграл еще 56 рублей. Зато в конце года подсчитал, что выиграл на 47 рублей больше, чем проиграл. И настолько игра стала его потребностью, что 17 июня, в день похорон внука Павлуши, хоть он и скорбел о смерти ребенка, но вечером поехал в Английский клуб и выиграл 18 рублей. Интересно, что среди знакомых, к кому Павел Андреевич ездил играть в карты, он называл полковника полиции Николая Ивановича Цылова, имя которого знакомо каждому исследователю истории Санкт-Петербурга. В свободное от службы время Н. И. Цылов составил сначала «Изображение улиц Литейной части», в

которой он служил, затем «Атлас 13 частей С. Петербурга» – подробный план по улицам и набережным города с обозначением всех домовладельцев» (изданный в 1849 году и переизданный в 2003 году в Москве издательством Центрполиграф), а также «Подробное описание Царского Села», где занимал пост полицмейстера. Павел Андреевич записал, что, заехав как-то к Н. И. Цылову в его приемный день, в субботу, пил у него чай и проиграл 43 рубля.

Конечно, он был верноподданным, и с радостью отмечал, когда император или кто-нибудь из членов царской семьи говорил ему несколько слов. Он записывал, что получил из Веймара благодарность от великой княгини Марии Павловны за посланную ей книгу. Он готов был в любую погоду, несмотря на свой возраст, явиться куда того требовали его генерал-адъютантские обязанности.

Как верующий человек, он часто бывал в церкви и каждый день молился дома. В больших соборах он бывал только по особым случаям. Он жил в приходе Пантелеймоновского собора и во всех официальных случаях – крещение, отпевание – обращался к священнику этого собора. Бывали он и его домашние в Сергиевском соборе. Но больше всего любил он ходить в церковь при доме слепых. И, конечно, никогда не забывал раздать милостыню. Обязанность оказывать помощь нуждавшимся выполнялась им неукоснительно. На его попечении было какое-то бедное семейство, которому он регулярно по третям года давал деньги. Поддерживал он своих крестниц сестер Кошкиных. У Анны Ивановны тоже были воспитанницы, за обучение которых она платила.

Характерно, что воспитанный в XVIII веке, Павел Андреевич не признавал фамильярности. Только маленьких детей, сына Костю, Сашу

и родственника Митрошу он называл по имени. Всех остальных по имени-отчеству и даже с фамилией, включая племянницу Дунечку, которая стала Авдотьей Андреевной Ростовской, и жену Кости Марью Яковлевну.

Павел Андреевич был предан своей семье и родным. Не случайно, у него каждый день кто-нибудь бывал. Он хлопотал об их делах. Он любил тихие семейные вечера, когда все собирались наверху, пили чай, разговаривали, иногда Марья Яковлевна играла на фортепиано, а Костя пел. Перекидывались в карты «по маленькой». В особых случаях устраивали «живые картины». Спать ложились в 11–12 часов. Иногда, правда, мучила бессонница. Вот у собачки Миси родились щенки и пищали всю ночь, не давали уснуть. Чаще мешало нездоровье. Но утром в 7.30–8 часов начинался новый день с его заботами.

Павел Андреевич умер 1 сентября 1864 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Анна Ивановна пережила его на 15 лет. Она умерла в 1879 году на 73-м году жизни и была похоронена там же. Рядом с ними был погребен и генерал-майор Константин Павлович Колзаков, умерший 23 ноября 1906 года.

У кого-то из его потомков хранился семейный архив. Павел Андреевич вел свои записи с 1810-х годов, что должно было составить, по меньшей мере, около 50 тетрадей. В настоящее время небольшая часть их находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ). Они, в общем, мало изучены. Хотя в них не содержатся особо важные открытия, но записи П. А. Колзакова любопытны и рассказывают не только о самом старом адмирале, но позволяют составить картину жизни дворянского Петербурга середины XIX столетия.

Использованные материалы:

- ИРЛИ РО. Ф. 484. № 2–94.
 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 285. Оп. 1. Д. 434. Л. 153–154.
 РНБ РО О- IV – 56.
 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 823. Оп. 1. Д. 191.
 ЦГИА СПб. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 36. Л. 7, 62.
 ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 77, 84
 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4208
 С. Аллер, 1824
 С. Петербургский путеводитель. 60 000 адресов С.-Петербурга. СПб., 1854
 Военная энциклопедия. Т-во Сытина. Т. XIII.
 Русская старина 1870. Т. 1. С. 137; 1873. Т. IV. С. 423; Т. V. С. 594. Т. VII. С. 423. Т. IX. С. 98–400; 1900. Т. 12. С. 583–584.
 Русский архив. 1898. Т. 1. С. 231.
 Портрет Колзакова. РНБ. Ф. 144. Виллие М. Я. Альбом № 1. № 150.